

На правах рукописи

МАМОНОВА Юлия Олеговна

**ДЕАКТУАЛИЗАЦИЯ СОВЕТИЗМОВ
В СЕМАНТИКО-ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Белгород – 2018

Работа выполнена в ФГАОУ ВО
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Шипицына Галина Михайловна

Официальные оппоненты: **Климас Ирина Сергеевна,**
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Курский государственный
университет», филологический факультет,
кафедра русского языка, профессор

Изотов Владимир Петрович,
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Орловский государственный уни-
верситет им. И.С. Тургенева», филологический
факультет, кафедра журналистики и связей с
общественностью, заведующий кафедрой

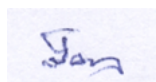
Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого»

Защита состоится 28 июня 2018 г. в 15:30 на заседании диссертационного
совета Д 212.038.07 в ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
университет» по адресу: 394006, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, аудитория 85.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке
Воронежского государственного университета и на сайте ВГУ по адресу:
<http://www.science.vsu.ru> (вкладки Наука – Защита диссертаций).

Автореферат разослан «_____» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Голицына Татьяна Николаевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена изучению семантических процессов деактуализации лексики и фразеологии советского периода (советизмов). В основе этого процесса лежит постепенный переход языковых единиц из активного словарного запаса в пассивный, а также деактуализация¹ отдельных значений слов (лексико-семантических вариантов или семем), бывших в активном употреблении в советский период развития русского языка. Время деактуализации тех или иных слов, фразеологизмов и даже отдельных лексико-семантических групп не во всех случаях можно установить абсолютно точно, хотя и такая возможность для отдельных лексико-семантических единиц может существовать.

На данный момент в отечественной науке существует множество работ, посвященных глобальным изменениям в лексике и их причинам: например, работы Р.А. Будагова, В.В. Виноградова, Г.Ч. Гусейнова, М.Б. Геращенко, П.Н. Денисова, А.Д. Дуличенко, О.В. Загоровской, Е.А. Земской, Н.Г. Комлева, В.В. Колесова, Н.А. Купиной, Л.И. Плотниковой, Г.Н. Скляревской, И.А. Стернина, Ф.П. Филина, В.К. Харченко, А.П. Чудинова, Г.М. Шипицыной и др. В работах этих авторов рассмотрено множество аспектов реагирования лексико-семантической системы языка на изменения ее бытования в социальной среде. Интерес лингвистов к проблеме языковых изменений сосредоточен, в частности, на определении места и роли этих процессов в истории языка, определении того или иного лексико-семантического варианта как «уходящего» и выявлении социокультурной детерминированности изменения статуса конкретного значения. Стоит обратить внимание и на тот факт, что учеными до сих пор не определены четкие границы терминов «пассивизация» и «деактуализация», нет единого мнения по вопросу об их соотношении.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена уже тем, что изучение различных сторон лексико-семантических изменений всегда было и остаётся важнейшей задачей лингвистики. Существует необходимость комплексного лингвистического описания процесса деактуализации лексики и фразеологии советского периода в конце XX – начале XXI вв. с учетом особенностей их функционирования в недавнем прошлом.

Эта необходимость продиктована тем, что современное поколение взрослых людей еще помнит семантический объем и коннотации уходящих из активного словарного запаса семантических единиц, а сегодняшние школьники и будущие поколения россиян, находясь уже в иной социально-культурной среде, могут ошибаться в их семантизации под влиянием изменившейся картины мира. Появляется опасность модернизации прошлого путём перенесения семантики языковых средств и их коннотативных значимостей с новой эпохи на старую, поскольку слово или оборот речи могут восприниматься под влиянием

¹ Латинская по происхождению приставка «де-» реализует в русском языке два значения: 1) отсутствие, отмена, устранение чего-либо; 2) движение вниз, понижение. В слове *деактуализация* эта приставка имеет первое значение.

уже новой лексико-семантической парадигмы и нового ореола их смыслов и прагматики. К сожалению, такая тенденция в описании семантики языковых единиц прошлых периодов скорее закономерна, чем случайна, о чём предупреждали выдающиеся лингвисты: «история чаще всего осмысливает действительность прошлого под влиянием господствующих идей современности» [Виноградов 1995: 27]. Надеяться на успехи будущих этимологов тоже не приходится, поскольку «...этимология меньше всего способна раскрыть все разнообразие смысловых изменений, переживаемых словом в разной социальной среде и в разные эпохи» [Там же: 11].

В то же время советский период является важным звеном в общей динамике развития русского языка, репрезентирующего и культуру народа. Он нашел достойное отражение в огромном вербальном макротексте того времени, поскольку в каждой сфере жизнедеятельности советского народа (наука, производство, искусство, в том числе художественная литература и т. д.) были созданы творения, нужные и интересные для последующих поколений россиян, но они могут быть усвоены при условии понимания языка того времени. Полагаем, что описание степени пассивизации советизмов и особенностей их семантизации современными россиянами разного возраста в конечном счете будет способствовать сохранению общекультурной и информационной преемственности между поколениями.

Объектом исследования является деактуализированная лексика и фразеология советской эпохи.

Предметом изучения служит динамика семантико-лексикографического представления смысловой структуры советизмов, а также отражение этой смысловой структуры в языковом сознании современных россиян разного возраста.

Цель исследования заключается в выявлении причин, языковых механизмов и степени деактуализации советизмов.

Данная цель обусловила решение ряда **задач**:

- 1) установить статус деактуализированной лексики и фразеологии в контексте языковых изменений;
- 2) определить основной состав деактуализированных языковых средств и выявить его внутрисистемную организацию;
- 3) исследовать источники, причины и пути создания советизмов;
- 4) проследить перемещение языковых средств из активного словарного запаса советской эпохи в пассивный запас языка XXI века;
- 5) выявить остаточные знания семантики советизмов у современной молодежи на фоне знаний семантики советизмов людьми среднего и старшего возраста;
- 6) проанализировать языковые механизмы изменений в смысловой структуре советизмов на лексемном и семемном уровнях анализа.

Материал исследования. Исследовательская база уходящих в пассивный фонд языка слов и фразеологизмов составила около 500 единиц. Источниками для формирования картотеки исследования послужили «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения» под редакцией Г.Н. Складнев-

ской (1998), «Толковый словарь языка совдепии» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (1998), другие словари и словарные материалы (список использованных словарей прилагается), текстовые фрагменты, извлеченные из партийных документов ВКП(б) и КПСС, примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), публицистической и художественной литературы советского и постсоветского времени, записи современной живой спонтанной речи жителей г. Белгорода и Белгородской области.

Специфика предмета исследования и круг поставленных задач обусловили его междисциплинарный характер. В связи с этим **теоретическую основу** представленной работы составили:

– труды ученых-лингвистов в области лингвистической семантики: Н.Ф. Алефиренко, Т.Г. Ашурковой, Л.М. Васильева, А. Вежбицкой, Е.М. Вольф, В.А. Звегинцева, М.Б. Геращенко, Г.Ч. Гусейнова, Л.С. Кацнельсона, И.М. Кобозевой, В.В. Колесова, Э.В. Кузнецовой, О.А. Михайловой, Ю.А. Найды, Л.А. Новикова, А.А. Пихуровой, Б.А. Плотникова, М.М. Покровского, З.Д. Поповой, Ж.П. Соколовской, И.А. Стернина, А.А. Уфимцевой, Ф.П. Филина, Н.В. Черемисиной, Г.М. Шипицыной, Д.Н. Шмелева и др.;

– труды специалистов по проблеме внутренней и внешней обусловленности языковых изменений: Р.А. Будагова, В.В. Виноградова, В.К. Журавлева, В.В. Колесова, Г.В. Колшанского, Н.Г. Комлева, О.А. Корнилова, В.Г. Костомарова, Л.П. Крысина, И.А. Стернина, М.В. Панова, Е.Д. Поливанова, В.М. Солнцева, И.С. Улуханова и др.;

– работы лингвистов в области теоретической и прикладной лексикографии: Ю.Д. Апресяна, В.Г. Гака, А.Л. Голованевского, Ю.Н. Караулова, В.А. Козырева, З.И. Комаровой, Н.А. Купиной, Н.В. Пятаевой, Г.Н. Складневской, Ю.С. Сорокина, Л.В. Щербы;

– труды, посвященные изучению различных тематических групп лексики русского языка постсоветского и новейшего периода: Т.Г. Ашурковой, А.Д. Васильева, Л.М. Васильева, О.И. Воробьевой, Г.А. Заварзиной, О.В. Загорской, Г.А. Крюковой, З.С. Санджи-Гаряевой, М.И. Шкредовой;

– исследования, посвященные описанию механизмов семантических трансформаций: Г.Г. Виноград, М.Б. Геращенко, Е.В. Падучевой, Г. Пауля, А.А. Пихуровой, Н.В. Пятаевой, Г.М. Шипицыной;

– научные труды в области экспериментальной психосемантики и изучения обыденного языкового сознания: Е.Ю. Артемьевой, И.Т. Вепревой, А.Д. Васильева, Т.К. Веренич, А.А. Залевской, А.П. Клименко, З.И. Комаровой, О.А. Корнилова, Н.И. Кулаковой, В.Ф. Петренко, Л.И. Плотниковой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Н.В. Уфимцевой;

– работы отечественных и зарубежных специалистов в области исторической антропологии, философии и культурологии: Р. Барта, М.М. Бахтина, К. Кереньи, К. Леви-Строса, В.П. Руднева, А.Дж. Тойнби, П.А. Флоренского, Г.Г. Шпета, К.Г. Юнга.

Методологической базой для изучения деактуализированной лексики и фразеологии послужили:

- 1) принцип системности языковых явлений и единиц;
- 2) принцип взаимосвязи и взаимообусловленности языка, истории и культуры общества;
- 3) принцип историзма в сочетании с принципом синхронного описания лексической системы языка;
- 4) принцип движения «от фактов языка к социальным причинам»;
- 5) исследование семантики слова с точки зрения её восприятия носителями языка – словарноцентрический и антропоцентрический подходы к изучению лексики.

Методы и приемы исследования. Для того, чтобы исследовать состав, структуру значения советизмов и характер их отражения в сознании современных носителей русского языка, мы использовали разнообразные методы.

Из общенаучных методов: индуктивно-дедуктивный метод (для осмысления и систематизации теоретического материала, почерпнутого из научной литературы); методы наблюдения, сравнения, синтеза и анализа (при сборе исследуемого материала и его систематизации); экспериментальный метод (для определения степени знания семантики и прагматики деактуализированной лексики носителями языка); сравнительно-сопоставительный метод (при сопоставлении дефиниций деактуализированной лексики в словарях различного типа и разного времени создания с целью выявления изменений в осмыслении семантики и прагматики советизмов различными поколениями носителей русского языка).

Из частнонаучных, лингвистических методов: этимологический анализ (для выявления исходной семантики и происхождения слов); компонентный анализ в его дефиниционной разновидности (для углубленного выявления компонентного (семного) состава смысловой структуры отдельных значений слов (семем); парадигматический анализ в аспекте тематических групп; словообразовательный и морфемный анализы (для определения словообразовательной структуры и морфемного состава советизмов); контекстуальный анализ (при осмыслении семантики и прагматики употребленных в речи советизмов); дефиниционный анализ различных словарей и ответов испытуемых; описательный метод (для представления результатов исследования в виде структурированного текста диссертации).

Приемы обработки и представления языкового материала: картографирование и классификация при сборе языкового материала; количественный подсчет данных при обработке материалов эксперимента; компьютерное и графическое моделирование, прием лингвистического интерпретирования наблюдений за функционированием советизмов в речи и др.

Новизну нашего исследования видим в следующем:

- 1) в уточнении понятия деактуализации и определения его специфики как самостоятельного динамического процесса, отличного от пассивизации и деидеологизации;
- 2) в выявлении системных отношений и закономерностей развития внутри самого пласта деактуализированной лексики;
- 3) в установлении путей и способов создания советизмов;

- 4) в выделении языковых механизмов изменений в смысловой структуре ключевых для языка советской эпохи слов;
- 5) в уточнении состава деактуализированной лексики (в сравнении с данными новейших (конца XX – начала XXI веков) словарей), в частности, за счет номинаций устаревших технических средств и устройств;
- 6) в определении степени забвения и уровня знания советизмов современной молодежью.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит определенный вклад в развитие теории исторической и современной лексикологии и фразеологии. Исследование может способствовать выявлению глубинных причин устаревания лексики разных периодов и теоретическому осмыслению места данного явления среди других динамических процессов в области лексикона русского языка на фоне социокультурных перемен в жизни его носителей. Материалы диссертации также обогащают теорию и методику определения зон востребованности деактуализированной лексики и фразеологии в современной коммуникации различных возрастных и профессиональных групп населения, в том числе на периферийных зонах его функционирования, отличных от официального дискурса публичной речи, что расширяет лингвистические параметры описания национального русского языка и способствует созданию более точных концепций в области прогнозирования путей его дальнейшего развития.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов для более глубокого осмысления актуальных проблем лексикологии, фразеологии, лексикографии и семантики в процессе преподавания и изучения этих предметов в учебных заведениях. Материалы исследования могут быть востребованы и при составлении словарей и справочников, пропагандирующих нормы современного русского литературного языка, а также учебных пособий, наиболее полно отражающих состав уходящей лексики и адресованных филологам, журналистам, преподавателям предметов гуманитарного цикла, а также учащимся общеобразовательных учебных учреждений.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Деактуализация представляет собой явление, отличное от процесса пассивизации лексики активного словарного состава русского языка. Его сущность выражается в постепенной утрате всей лексемой или одним из ее лексико-семантических вариантов актуальности в данный исторический период с сопутствующими семантическими, стилистическими и оценочными изменениями, что обусловлено рядом внеязыковых факторов и, как правило, поддержано отношениями в соответствующих ячейках этой системы.
2. В смысловой структуре многих советизмов присутствуют особые лимитирующие семы (термин О.А. Михайловой). Находясь на периферии, они фиксируют значимые черты конкретной исторической эпохи, могут отражать языковую политику государства, поскольку многие семы-ограничители идеологически мотивированы. В ходе исследования словарных дефиниций отобранных нами советизмов было установлено, что

такие компоненты как «в буржуазном обществе», «в капиталистических странах», «в эксплуататорских государствах» имеют высокую частотность употребления в толковых словарях советской эпохи. Наличие данных сем представляет собой временную идеологическую надстройку, так как результаты проведенного нами эксперимента показали, что в обыденном языковом сознании молодых людей до 30 лет эти семы не отражены. При сопоставлении лингвистического материала современных толковых словарей с советскими изданиями было выявлено, что структурные изменения в смысловой структуре большинства советизмов начинаются с её периферии за счет утраты именно ограничительных компонентов.

3. К основным экстралингвистическим факторам, повлиявшим на семантические изменения в современном русском языке, можно отнести следующие: 1) исчезновение реалий советской действительности во всех сферах жизни общества; 2) отказ от советских политических и экономических реалий и понятий в пользу западной модели государственного устройства и экономической деятельности; 3) переоценка ключевых идеалов, верований и ценностей в обществе, пропаганда западной модели человека как «идеального потребителя», с одной стороны, и возврат к некоторым досоветским понятиям и реалиям жизни общества (социальные отношения, государственные институты, религия) – с другой; 4) ускорение темпов развития науки и техники, связанных с растущей потребностью общества в потреблении материальных благ.
4. Образование советизмов осуществлялось разными путями: заимствованием, словообразованием (наиболее частотна аббревиация), а также путем омонимизации имеющихся в языке слов через присоединение к смысловым (семным) структурам новообразований идеологических и оценочных компонентов (сем). На рубеже XX – XXI веков актуальные прежде в социалистическом обществе слова и фразеологизмы деидеологизируются, поскольку они перестают выполнять свои функции, однако в ментально-языковой картине мира российского народа они все еще присутствуют как отголоски прошедшей эпохи.
5. Парадигматические и синтагматические отношения внутри класса деактуализированных лексем мы рассматриваем через призму процесса политического мифотворчества. Обнаруженные закономерности в системной организации данного лексического класса позволили нам утверждать, что язык советского официоза строился на простейших бинарных оппозициях аксиологически значимых мифологем. Политические мифологемы представляют собой психосоциальный когнитивный образ, намеренно создаваемый в соответствии с мифологической системой государства и имплицитно формирующий языковую картину мира народа. Представляется важным разграничить понятия *мифологема* и *идеологема*. Под *идеологемой* мы подразумеваем *лозунг* – особую коммуникативную конструкцию, содержащую приказ или призыв, репрезентирующую идеологию и ее директивные установки.

6. Слово имеет свойство приспосабливаться к новым условиям языковой среды. В связи со сменой историко-культурной парадигмы оно адаптируется к новому типу ментально-языкового сознания. Механизмом (или способом) адаптации слова является способность конкретного носителя языка определять его значение путем поиска внутренней формы или по внешнему сходству языковых знаков. Таким образом, исследование деактуализации, с одной стороны, должно включать в себя определение степени забвения языковых единиц и механизмов их устаревания, а с другой стороны, нужно исследовать показатель адаптации слова к новой для него культурно-языковой среде и новому типу мышления носителей языка.
7. Для оперативного осмысления востребованности деактуализированной лексики и её возможностей выражения дискурсивных смыслов современности необходимо продолжить составление словарей и справочников, наиболее полно отражающих состав, семантику и прагматику уходящей лексики. Это вызвано не только подвижным характером лексико-фразеологической системы русского языка, но и историко-культурными факторами, в том числе постепенным «стиранием» советизмов из генетической памяти носителей языка, что может привести к образованию *культурных лакун*. Для интеллектуального развития личности это крайне нежелательное явление, поскольку оно приводит к постепенному угасанию интереса к культуре недавнего прошлого, к появлению трудностей при восприятии художественных текстов предшествующего исторического периода жизни нашего общества. В результате этих процессов происходит резкий разрыв поколений, нарушаются законы культурной преемственности нации.

Апробация работы. Основные результаты данного исследования были представлены в докладах на конференциях различного уровня: «XVIII международной научно-практической конференции, посвященной проблемам общественных и гуманитарных наук» (г. Москва, 29 марта 2014 г.), Всероссийской конференции, посвященной 115-летию со дня рождения профессора И.А. Фигуровского «Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка» (г. Елец, 24 апреля 2014 г.), международной научно-практической конференции «Современные проблемы языкознания, литературоведения, коммуникации и лингводидактики» (г. Белгород, 12 – 14 мая 2014 г.), международной научно-практической конференции «Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства»: материалы (г. Белгород, 19 – 21 мая 2014 г.), международной научной конференции, приуроченной к юбилею Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Белгородского государственного национального исследовательского университета Н.Ф. Алефиренко (г. Белгород, 11 – 12 января 2016 г.). Результаты исследования были опубликованы в зарубежном научном издании: сборник «Научные работы Каменец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенко» (г. Каменец-Подольский, 2013 г.), а также в российских научных изданиях, входящих в перечень ВАК: «Вестник БГТУ

им. В.Г. Шухова», 2015 г., «Научные ведомости БелГУ, 2016 г., Международный научно-исследовательский журнал «Успехи современной науки», 2016 г.

Структура работы. Диссертация включает в себя Введение, три главы, Заключение, Библиографический список и четыре Приложения, содержащие словник деактуализированной лексики в соответствии с разработанной нами тематической классификацией уходящих слов, компонентный анализ слова *пролетарий*, выполненный по материалам Толкового словаря В.И. Даля (1880 – 1882), а также две содержащие числовые характеристики диаграммы, наглядно иллюстрирующие общие результаты проведенного нами лингвистического эксперимента.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы, обозначены объект, предмет и материал исследования, определены цели и задачи, методология, методы и приёмы анализа, научная новизна, практическая и теоретическая значимость работы, изложены положения, выносимые на защиту.

В нашем диссертационном исследовании для обозначения класса уходящей лексики советского периода мы используем термин *советизм*, предложенный Н.А. Купиной. Под **советизмами** мы подразумеваем обширный пласт лексики и фразеологии, единицы которого номинируют реалии советской эпохи, отражают историко-культурные и политические события того времени и составляют арсенал пропагандистских и агитационных средств. К классу деактуализированных слов, не являющихся советизмами, мы относим наименования технических средств типа *аудиокассета, аудиоплеер, видак, видеокассета, видеокооператив, видеопрокат, двухкассетник, дискета, магнитоальбом* и др. В «Толковом словаре русского языка конца XX века» под редакцией Г.Н. Складчиковой (1998) они не отмечены как уходящие, но в связи с утратой ими денотативного значения факт их деактуализации не подлежит сомнению.

Исследование уходящей лексики советского периода проводилось в двух направлениях: синхроническом и диахроническом. Сопоставление данных словарей различных эпох с результатами, полученными в ходе проведения эксперимента, позволило проследить исторический путь и эволюцию семантики многих советизмов.

Первая глава «Процесс деактуализации лексики советского периода и его лексикографическое представление» посвящена изложению общих теоретических представлений о понятии *смысловой структуры слова* (пункт 1.1). Проведённое нами исследование продемонстрировало значимую роль особых семантических компонентов, обозначенных О.А. Михайловой термином **лимитирующие семы** и выделившей их в «особую, лимитирующую, часть семантики слова, обращенную в реальную действительность, связанную с типовыми представлениями коллективного языкового сознания о деноте или ситуации и отражающую особенности национального мировосприятия» [Михайлова 1998: 5]. В ходе выборочного анализа семантики политических советизмов нами было установлено, что такие ограничительные компоненты, как «*в бур-*

жуазном обществе», «в эксплуататорских государствах», «в капиталистических странах», «с оттенком пренебрежительности», «презрительное», «неодобрительное» и др. довольно часто встречаются в словарных дефинициях семем, представляющих особую важность для формирования благонадежного отношения к политике государства. В толковом словаре С.И. Ожегова издания 1953 г. находим следующие определения: *дивиденд* – «**В капиталистическом обществе**: прибыль, получаемая участниками предприятия пропорционально вложенному капиталу», *лишенец* – «**До принятия Сталинской Конституции**: человек, принадлежавший к эксплуататорским классам, политический противник советской власти, лишенный избирательных и других гражданских прав», *отщепенец* – «**(неодобр.)**. Человек, отколовшийся от какой-нибудь среды, отступник».

В пункте 1.2. представлены теоретико-методологические основы изучения деидеологизации, деактуализации и пассивизации советизмов, приводится анализ основных подходов к осмыслению данных процессов в современной лингвистике, определены место и роль лексико-семантической деактуализации в ряду других лексических и фразеологических изменений конца XX – начала XXI вв.

Как справедливо отмечают исследователи изменений в языке постсоветского периода, в настоящее время из повседневной практики общения исчезла жесткая регламентация жизни членов общества со стороны административно-командной системы государства. «Мышление и политическая деятельность человека раскрепощены, существуют возможности для самостоятельной и независимой общественной и политической деятельности всех членов общества» [Стернин 2000]. Вместе с исчезновением контроля за поведением личности со стороны власти из нашей жизни уходят многие понятия, которые составляли «коммуникативное ядро» (термин И.А. Стернина) советского лексикона.

В рамках данной работы для нас наибольший интерес представляет процесс, по отношению к которому мы применяем термин **деактуализация**, предложенный О.П. Ермаковой [Ермакова 2000]. Исследования в области уходящей лексики представляют несомненную важность, так как «со сменой государственной идеологии в российском социуме конца XX в. происходит обновление политической концептосферы, идеологические оценки советского периода пересматриваются и корректируются...» [Шипицына, Геращенко 2010: 86], из ежедневного употребления россиян исчезают слова, бывшие символами целой эпохи.

Нами установлено, что в отечественной науке о языке не сложилось единого мнения о том, как точнее определить язык советского периода и каким термином его обозначить. Используются разнообразные термины: *советский квазиязык* [Земская 1996], *тоталитарный язык* [Купина 1995] и *язык совдепии* [Мокиенко, Никитина 1998], *советский дискурс* [Ашуркова 2006], *советский языковой стандарт* [Пихурова 2005] и др. Полагаем, что *советизм* – более удачное наименование для нашего исследования, исходя из следующего. Современное описание языка советского периода должно быть спокойным и объективным, поскольку оценка и самого этого периода сегодняшним обществен-

ным сознанием теряет пафос резкого осуждения и неприятия его абсолютно во всем. Как справедливо отмечает Г.Н. Складарская, «к началу XXI столетия можно говорить если не о заметной стабилизации лексической системы русского языка, то, во всяком случае, об обретении ею равновесия: сейчас мы наблюдаем уже не столь бурные и разнообразные языковые явления, какие происходили в 90-х годах минувшего века, а скорее интенсивное развитие двух разнонаправленных процессов: «онаучивание» языка, проявляющееся в освоении общим языком терминологии, и потоки иностранных заимствований, с одной стороны, и встречное движение жаргонизации языка – с другой» [Складарская 2006: 5]. Термин *советизм* оказывается удачным еще и потому, что он соответствует по словообразовательной структуре иным обозначениям в той же терминологической парадигме (*анахронизм, архаизм, историзм, варваризм, неологизм, окказионализм* и т. п.).

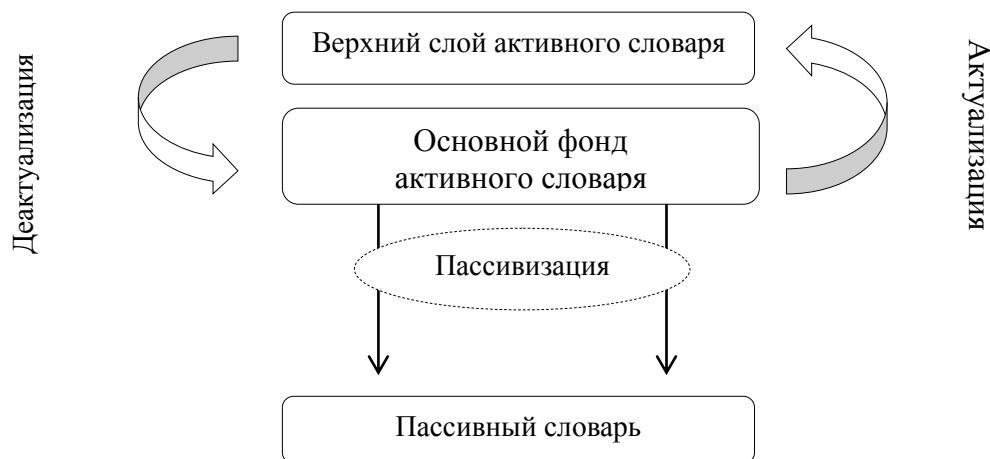
Под термином **деактуализация** мы понимаем утрату словом или одним из его лексико-семантических вариантов актуального содержания по ряду причин. В первую очередь процессу деактуализации подвергаются отдельные значения многозначных слов, отражающие чисто советские реалии, например словосочетание *коммунистическая партия* в современном русском языке утратило компонент «коммунистическая», который в те годы не всегда назывался в речи, но всегда подразумевался, например: *вступить в партию, член партии, партия наш рулевой* и т. д. Стоит также упомянуть и о таких словах, как *выездной / невыездной, проходной / непроходной* и др., принадлежащих к неофициальному, разговорному языку советской эпохи. В данном случае уходит не одно значение, а все слово целиком по причине исчезновения из действительности понятия, то есть здесь мы наблюдаем утрату сигнификативного содержания в смысловой структуре этих слов.

В связи с этим мы пришли к выводу, что в основе семантического процесса деактуализации лексики советского периода лежит постепенный переход некоторых лексических пластов из активного словарного запаса в пассивный, а также исход отдельных значений слов, бывших в активном употреблении в советский период. В лингвистической литературе понятия **деактуализация** и **пассивизация** часто отождествляются, но, по нашему мнению, они должны быть разграничены: деактуализация нами признается частью более масштабного процесса – пассивизации, его начальной ступенью. Такой подход позволяет учесть тот немаловажный факт, что лексика, составлявшая верхний слой активного словаря и функционировавшая в рамках советского дискурса («слова особой и широкой семантической значимости» [Будагов 1971: 242]), несмотря на процесс деактуализации все еще остается в основном словарном фонде современного русского языка, хотя и не является общеупотребительной. Это положение отражено на рис. 1.

Под **деактуализированной лексикой** мы понимаем те коммуникативно и культурно значимые единицы верхнего слоя активного словаря, которые в определенный исторический момент (конец XX – начало XXI вв.), преимущественно под влиянием экстралингвистических факторов, остаются в основном

фонде активного словаря (с последующим возможным переходом в пассивный словарный фонд), несколько видоизменив свою семантику.

Рис. 1. Деактуализация и пассивизация в ряду лексических процессов современного русского языка

Процесс деактуализации в некоторых случаях следует отличать от сходного по сути процесса – **деидеологизации**. Мы присоединяемся к мнению О.П. Ермаковой, которая выделяет деидеологизацию в качестве самостоятельного лексического процесса и определяет его как освобождение «значений некоторых слов от идеологических смысловых приращений» [Ермакова 2000: 36]. Отметим, что процесс деидеологизации может протекать в двух направлениях: во-первых, это снятие резко пейоративной окраски некоторых слов и устойчивых сочетаний, которая была продиктована коммунистической идеологией (*благотворительность, индивидуализм, интеллигенция, коммерсант, меценат, собственник* и т. д.); во-вторых, это появление неодобрительной, ироничной эмоциональной окраски у слов и устойчивых сочетаний, ранее имевших сильную идеологическую коннотацию: *большевистский, доблестный* («доблестные работники прилавка»), *заветы Ильича, завоевания Октября, коммунистическое завтра, ленинец, народный избранник, пламенный патриот, светлое будущее, слуга народа, товарищ* и т. д. В сущности, оба процесса можно назвать **вторичной идеологизацией**, так как советский идеологический компонент здесь заменяется современной, антисоветской коннотацией с элементами иронии.

В пункте 1.3. подробно рассматриваются источники и причины деактуализации лексико-семантических единиц. Корни данного динамического процесса в современном русском языке, несомненно, лежат в области истории данных слов, появления их в лексиконе на фоне революционной бури начала XX века, вхождения в речевой обиход в 20 – 30-е годы и активное использование вплоть до конца прошлого столетия. Социалистический дискурс в целом был оторван от жизни и непонятен человеку, сохранившему дореволюционное языковое сознание. Кроме того, идеологические основы марксизма-ленинизма подкреплялись превозносившимся тогда нарочито враждебным, нетерпимым от-

ношением к старому и ко всему несоветскому. Клише новояза постепенно становились все более высокопарными и приобрели константный характер. Патетизация языка официальной пропаганды сопровождалась процессом **десемантизации**. Происходило выхолащивание сигнификативного содержания слов и оборотов речи, они начинали выполнять лишь агитационную функцию, возложенную на них новоязом. Чем больше советские идеологические клише использовались в пропагандистских целях, тем скорее они обесценивались.

В пункте 1.4. первой главы обосновывается тезис, согласно которому в советский и постсоветский периоды в развитии фразеологического корпуса русского языка активизировались две тенденции. С одной стороны – образование новых устойчивых сочетаний слов с признаками фразеологизма путем фразеологизации свободных словосочетаний и отдельных предложных словоформ. Например, *быстрые деньги, грязные деньги, отмывание грязных денег, внутренние беженцы, рассеянная практика* («практика у студентов, прикрепленных по одному человеку к разным школам»), *якорное учреждение* («базовое учреждение, координирующее действие остальных»). С другой стороны – тенденция к деактуализации функционировавших в недавнем прошлом фразеологизмов. Наблюдение за динамикой нескольких групп фразеологизмов показывает, что во фразеологической подсистеме языка происходят живые процессы как неологизации, так и пассивизации отдельных устойчивых сочетаний. Их набор получает различную степень актуализации в тот или иной период времени, сопровождаемую изменением прагматического содержания фразеологизма и его коннотативного наполнения.

Вторая глава «Системно-структурная характеристика деактуализированной лексики» представлена тремя пунктами, в которых даётся представление об общем составе деактуализированной лексики советского периода, приводится её тематическая классификация и структурно-семантический анализ, а также рассматриваются парадигматические и синтагматические связи внутри данного класса слов.

В соответствии с установленным в **пункте 2.1.** тематическим принципом классификации исследуемых единиц, нами было выделено четыре **тематических класса (ТК)** – обширных пластов лексики, содержащих в себе две и более **тематические группы (ТГ)**, представляющих собой единую группу особо значимых номинаций, объединенных общностью концептуального (сигнификативного) содержания.

Обозначим их:

I. ТК «Номинации понятий из сферы политики»:

1. ТГ «Общие политические понятия»;
2. ТГ «Наименования новых организаций и людей по отношению к ним»;

II. ТК «Номинации понятий из сферы общественной жизни»:

1. ТГ «Наименования общественных организаций»;
2. ТГ «Наименования лиц по социальной принадлежности»;

III. ТК «Номинации понятий из сферы экономики»:

1. ТГ «Наименования, связанные с бытовым сектором экономики»;

2. ТГ «Наименования, связанные с государственным сектором экономики»;

IV. ТК «Номинации понятий из сферы техники».

Первая ТГ «Общие политические понятия» состоит из слов сугубо идеологического характера, обозначающих реалии политической жизни Советского Союза (*бесклассовый, большевик, директива, классовость, колониализм, комсомольско-молодежный, милитаризм, партийно-бюрократический, социалистический*), а также номинаций, обозначающих идеологически и политически значимые понятия, например: *железный занавес, коллективизм, народный избранник, политдень*.

Языковые средства этой группы в обозримом для одного поколения людей временном отрезке пережили большие изменения в семном наполнении коннотативного блока смысловой структуры семем: от сем с высоко положительной оценочностью (в советский период, особенно в его начальной фазе) к нейтрализации этих сем и приобретению резко отрицательной коннотации (высмеивания, издевки) в постсоветский период.

Вторую ТГ «Наименования новых организаций и людей по отношению к ним» из первого ТК составили разные слова, однако наше внимание в ней привлекает наиболее частотная лексика – аббревиатуры, образованные по различным словообразовательным моделям: *ВС, ВЧК, ГКЧП, горком, исполком, комсомол, КПСС, крайком, ОГПУ, политбюро* и т. п. Все эти слова не просто называют политические и «охранительные» организации того времени, они несут в себе очень важную, на наш взгляд, культурно-историческую информацию. Общеизвестно, что любой тоталитарный язык (так называемый *новояз*) просто переполнен разного рода сокращениями. Этот тезис подтверждается огромным количеством аббревиатур, используемых во времена СССР не только в официальной публицистике, речах и выступлениях советских вождей, но и в художественной литературе разного толка, как прокоммунистической, так и в диссидентской: *Арлен – Армия Ленина, Мэлор – Маркс, Энгельс, Ленин – организаторы революции, Оюшминальд – Отто Юльевич Шмидт на льдине, Даздранерма – Да здравствует Первое мая!* (Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века, 2000 г.); *Ремеслом я выбрал кражу, Из тюрьмы я не вылажу, Исправдом скучает без меня* (Михаил Козаков. Актерская книга, 1978 – 1995 гг.); *Нэповский делец, Бройде отсидел некоторое время в домзаке, вышел и решил описать советский исправдом* (Варлам Шаламов. Начало).

ТК «Номинации понятий из сферы общественной жизни» объединяет три ТГ: во-первых, это обозначения социально-бытовых понятий советского времени и эпохи перестройки (*блат, бугор-1, воскресник, дружина, жутик, запись-2, зарница-2, магнитиздат, наставничество, недоносительство, общепит, обществоведение, папиросы, пельменная, получка, принудиловка, радиоголоса, членовоз, шейпинг*) (в образовании некоторых слов «сработала» тенденция к иронизации, свойственная стихии разговорной речи); во-вторых, это названия советских общественных организаций, например: *ВЛКСМ, ДНД, ДОСААФ, здравница*. Третью ТГ составили названия лиц по социальной принадлежности, например: *аллилуйщик, антисоветчик, безбожник, богатей, дружинник, мас-*

совик-затейник, индивидуал(ист), интеллигент, ленинец, октябренок, особист, плановик, пропагандист, спекулянт, юнармеец, юннат. В этих ТГ, так же, как и в первой ТГ, многие лексемы или отдельные их семемы в связи с глобальными изменениями в социально-политической жизни страны резко поменяли свой оценочный статус в начале XXI века. Когда явление пропагандируется как положительно значимое, слово имеет положительную коннотацию и в массовых текстах публицистического характера порождает словосочетания высокого стиля. Если же отношение к денотату в обществе коренным образом меняется, то и слово соответственно тут же меняет свою оценочность. Так, слово *общепит (советский общепит)* сегодня употребляется с оттенком пренебрежения, даже брезгливости, ведь в новой стране, с новой рыночной экономикой, неведомой простому советскому человеку, люди имеют гораздо больше возможностей удовлетворить свои потребности, в том числе и кулинарные. Сравним: *Прекрасно, что общепит так принципиально борется за мое здоровье и нравственность* (Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Я, следовательно..., 1968 г.); *Вместо чая общепит предлагал бурю мутную бурду, а «кофе с молоком» являлся натуральными помоями* (Евгений Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов», 1997 г.).

В самостоятельные ТК выделились названия понятий из сферы экономики и техники. **ТК «Номинации понятий из сферы экономики»** целесообразно, на наш взгляд, разделить на две ТГ – «Наименования, связанные с бытовым сектором экономики» и «Наименования, связанные с государственным сектором экономики». К первой группе относится народно-разговорная лексика, номинирующая те жизненные реалии, с которыми советский человек сталкивался ежедневно: это различные названия денежных единиц, часто образованные с помощью суффиксов деминутивной оценки (*копеечка, медяшки, пятерочка, рублевочка*), а также наименования, относящиеся к системе получения продуктов питания в эпоху дефицита (*выбить, выбросить, выкинуть, достать, записаться-2, карточка, купон, талон, отоварить (карточку)*). Ко второй группе относятся номинации из сферы государственного сектора экономики СССР: *агропромышленный комплекс, госбанк, госплан, госторговля, госцена, разнарядка, хозрасчет, шефство.*

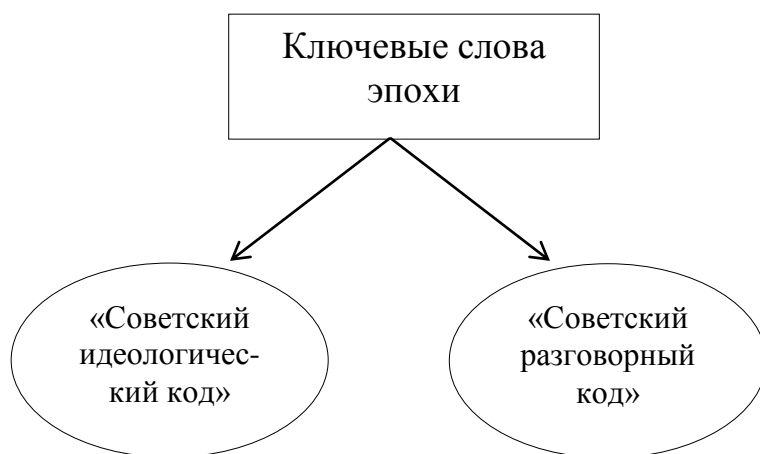
Все слова, входящие в данный ТК, так или иначе стали ассоциироваться с эпохой тотального дефицита, став своеобразными культурными стереотипами, связанными с жизнью в СССР.

Говоря о **ТК «Названия понятий из сферы техники»**, стоит отметить, слова типа *аудиокассета, аудиоплеер, видак, видеокассета, видеокооператив, видеопрокат, двухкассетник, дискета, магнитоальбом* мы включаем в данную группу лексики, исходя из того соображения, что предметы и явления, стоящие за ними, уже можно назвать «техническими» архаизмами или историзмами в зависимости от их денотативного значения.

В данной работе нам представляется необходимым выделить особую значимую группу слов, условно обозначив ее «**Ключевые слова эпохи**». Она включает в себя слова или отдельные лексико-семантические варианты слов из различных ТК. Отбор семем для данной группы производился путем установ-

ления их соответствия с определением **ключевых слов** – наиболее частотных, несущих в себе важную социокультурную информацию о том историческом периоде, к которому они принадлежат. Эти слова стали языковыми символами советской эпохи, на них лежит печать этого времени. Без установления динамики их значения, определения их места и роли в системе сложных парадигматических отношений нельзя в полной мере погрузиться в данный период отечественной истории. Отметим, что в указанную группу деактуализированной лексики вошли не только собственно советизмы, или единицы «советского идеологического кода» (по определению Н.А. Купиной), но и слова разговорного языка советской эпохи, которые трактуются некоторыми учеными как *новоисторизмы* [Купина 2009]. Из вышесказанного становится ясно, что в терминах, описывающих язык времен СССР, существует большая неопределенность. Чтобы ее избежать, необходимо, по нашему мнению, разобраться в системе организации лексики внутри группы «Ключевые слова эпохи» (рис. 2).

Рис. 2. Системная организация лексики внутри группы «Ключевые слова эпохи»

В предложенной нами схеме четко разграничиваются две разнородные по сути группы – лексика «советского идеологического кода» и лексика «советского разговорного кода».

«Советский идеологический код» – это официальные наименования, которые в массовом порядке использовались в советской документации и прессе с целью пропаганды идеалов бесклассового общества и идеологического воздействия на сознание людей (*атеизм, битва, борьба, вождь, всенародный, гегемон, знамя, коллективизм, колхоз, марксизм-ленинизм, партия, передовик, пятилетка, ударник* и т. д.).

По аналогии с термином «советский идеологический код» мы ввели понятие **«советский разговорный код»** – это лексика разговорно-бытового общения, не зафиксированная в официальных документах и прессе того времени (*выездной / невыездной, вышка, летун, несун, общественник, отщепенец, партаппаратчик, проходной / непроходной, сексот* и целая группа сложных слов, начинающихся на *спец*–: *спецбольница, спецбуфет, спецадача, спецлагерь, спецстоловая* и др.). Относить эти слова к новоисторизмам, с нашей точки зрения,

преждевременно: здесь имеет место процесс деактуализации, ведь в среде большинства взрослого населения, людей, которые большую часть жизни прожили в стране под названием Советский Союз, они все еще употребляются и не воспринимаются как нечто чужеродное.

Рассмотрев подробно лексику советского идеологического кода, мы пришли к выводу, что лексические единицы внутри данного класса не распределяются хаотично, а представляют собой систему противопоставленных друг другу базовых *мифологем*. В связи с этим парадигматические и синтагматические отношения внутри данной группы мы анализировали сквозь призму антропологического подхода, позволившего глубже проникнуть в сущность советского политического мифотворчества (**пункт 2.3.**). По нашему мнению, все общественно-политические формации представляются мифологическими системами, соответственно, любая общественно-политическая система оперирует политическими мифологемами, репрезентируемыми в языке словами. Понятие **политическая мифологема** мы определяем как конкретный психосоциальный когнитивный образ, намеренно создаваемый одним субъектом или группой субъектов в соответствии с мифологической системой того или иного государства либо иного социального института, содержащий набор аксиологически значимых для данного общества категорий и имплицитно формирующий его языковую картину мира.

Основываясь на частотности употребления некоторых отобранных нами лексем в текстах официальной коммунистической публицистики, а также их значимости, мы выделили 5 концептуальных групп политических мифологем:

- 1) пролетариат (рабочий класс) – буржуазия, эксплуататоры;
- 2) коммунизм (Советский Союз) – капитализм (загнивающий Запад);
- 3) атеизм, материализм – религия, идеализм;
- 4) коллективизм – индивидуализм;
- 5) Партия (вожди) – враги советского строя.

Эти базовые оппозиции составляют своеобразный *социокультурно детерминированный языковой континуум*, обусловленный и социальными, и культурными условиями пространственно-временных рамок бытования языка.

Опытным путем нами было установлено, что советское толкование отдельных значений отличается от первичных, более того, намеренно теоретизируется, что отражается и в динамике развития семантики таких слов, как *безбожник* или *пролетарий*. Эти и множество других примеров красноречиво свидетельствуют о том, что в эпоху становления власти советов происходило вмешательство в судьбу не просто конкретного слова, а языковой картины мира целого народа, приведшее к утрате и забвению множества историко-культурных феноменов.

Несомненный интерес представляют официальные идеологически ориентированные коммуникативные конструкции – *лозунги*, то есть идеологемы, широко используемые советской властью и позволяющие влиять на широкие массы населения по всей стране. По нашему мнению, именно лозунги можно назвать *подлинными идеологемами*, так как в отличие от *мифологем* данные единицы содержат призыв или побуждение к действию, коммуникативный за-

ряд, намеренно формируемый в соответствии с иллокутивной целью адресанта и призванный изменять языковую картину мира адресата. По сути идеологемы являются составной частью политического мифа.

Активное употребление лозунгов в печати подкреплялось созданием героических эпических образов (Стаханов, Павлик Морозов, Паша Ангелина и т. д.), различными ритуалами, играющими в общественно-политической жизни значительную роль, например, ежедневная производственная зарядка, ежедневные и ежевечерние новости, принятие в пионеры и комсомольскую организацию. Обрядовость становится неотъемлемой частью советской действительности, где интересы коллектива ставятся выше личных, а партия признается главенствующей по отношению к человеку. Репрезентанты советских мифологем функционируют в рамках политического кода в качестве устойчивых элементов лексико-семантической системы, используемой для выражения важнейших концептов социалистического бытия.

Третья глава реферируемой диссертации «**Отражение в языковом сознании молодежи семантики и прагматики советизмов**» описывает репрезентацию в обыденном языковом сознании носителей языка семантики деактуализированных слов и наблюдение за степенью их забвения. В современной лексикографической практике многие лексемы (особенно это касается советизмов) фиксируются как историзмы или новоисторизмы, что не всегда может соответствовать реальному статусу бытования слова. Многие номинации недавнего советского прошлого продолжают жить в сознании россиян, поэтому отнесение их к разряду полностью ушедших слов может быть преждевременным и может опережать действительную степень пассивизации и перехода той или иной семемы из активного употребления в пассив. Представляется важным в этом отношении обратиться непосредственно к речевой деятельности и установить, на каком именно этапе перехода из актива в пассив находится та или иная семема, какие именно динамические процессы произошли в ее семной структуре.

В целях верификации данной гипотезы мы использовали экспериментальный анализ (лингвистическое анкетирование) как объективный метод познания языковой реальности в сочетании с анализом лексикографических источников.

В проведенном анкетировании приняли участие 153 человека от 13 до 35 лет, все они жители города Белгорода и Белгородской области. В исследовании были задействованы учащиеся средних школ г. Белгорода (СОШ № 37, СОШ № 43), студенты первого и второго курсов очного и заочного отделений филологического и юридического факультетов Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»), работники сферы образования, преподаватели средних учебных заведений. Респондентам было предложено записать все известные им значения заранее подобранных слов-стимулов.

Методика проведения экспериментальной части исследования описывается в **пункте 3.2. третьей главы**. Разумеется, в рамках одного эксперимента не представляется возможным исследовать весь корпус наблюдаемой лексики,

поэтому нами была произведена выборка слов, которые, на наш взгляд, можно считать диагностирующими.

Конечный список слов-стимулов состоял из 19 единиц и включал в себя следующие лексемы: *вредитель, диссидент, империалист, летун, лишенец, несун, общественник, оппортунист, осведомитель, особист, отщепенец, передовик, политрук, пролетарий, сексот, туняедец, ударник, чекист, шарага*. При ответах на вопросы испытуемые должны были опираться только на собственный языковой опыт, не задумываясь и не обращаясь за ответом к словарям или другим источникам. Анкетирование проводилось в письменном виде анонимно с указанием возраста, пола и рода деятельности информанта (ученик, учитель, студент, журналист, преподаватель колледжа и т.п.). Время выполнения задания было условно ограничено 20 минутами.

От информантов был получен и проанализирован разнообразный языковой материал (более 1000 ответов).

Как показал количественный анализ результатов, больше всего отказов получили слова-стимулы *пролетарий, политрук, оппортунист, сексот* и *шарага*. Исследование полученного материала показало, что на слова-стимулы *вредитель* и *ударник* отреагировали все информанты, хотя большинством было зафиксировано значение семем *вредитель-1* – «животное, насекомое, причиняющее вред в сельском, складском и лесном хозяйстве, а также в быту» (БТС) и *ударник-3* – «музыкант, играющий на ударных инструментах». Небольшое число отказов наблюдается и у слов *лишенец, общественник, осведомитель* и *отщепенец*, которые определялись в основном по их «живой» внутренней форме, сохраняющей свой след в корневых морфемах слов. Достаточно хорошо в обыденном языковом сознании респондентов сохранилась лексема *туняедец*, на нее не отреагировали всего 10 из 153 человек. Результаты представлены в виде круговых диаграмм и описаны в **пункте 3.3. главы 3**.

Особый интерес представляют ответы, полученные на стимул *пролетарий*. Многие респонденты (28 %) определили его как «место» по аналогии с лексемой *планетарий*: «*Пролетарий – это помещение, где небо со звездами показывают*». Подобные реакции обусловлены уже влиянием языковой системы: в данном случае четко «работает» парадигма паронимов *пролетарий – планетарий*. Грамматическое и фонетическое сходство данных лексем привело к копированию семы «место» в структуру лексического значения анализируемого слова. В этом случае мы наблюдаем явление ложной семантизации, иными словами, переноса ядерных сем, что можно считать основой для явления лексической паронимии.

Чтобы ясно представить процесс деактуализации словарных значений, мы представили его в форме таблицы, включив в нее дефиниции советского времени и определения, полученные по результатам эксперимента от информантов (см. таблицу 1).

Таблица 1. Динамические процессы в структуре семемы *пролетарий* с учетом результатов эксперимента

ТСУ 1935-1940 (<i>пролетарий-1</i>)	ОЖ 1953 (<i>пролетарий</i>)	БАС 1950-1065 (<i>пролетарий-2</i>)	МАС 1985-1988 (<i>пролетарий-1</i>)	Дефиниции информантов
1) наемный рабочий /в капиталистическом обществе/	1) наемный рабочий /в капиталистическом обществе/	1) наемный рабочий /в капиталистическом обществе/	1) наемный рабочий /в капиталистическом обществе/	1) рабочий
2) лишенный средств производства	2) лишенный средств производства	2) лишенный средств производства	2) лишенный средств производства	не зафиксировано
не зафиксировано	3) угнетаемый и эксплуатируемый буржуазией	не зафиксировано	3) живущий продажей своей рабочей силы	не зафиксировано

Обращает на себя внимание наличие в советских толкованиях лимитирующей семы «в капиталистическом обществе», которая отсутствует в полученных ответах. Интересно, что ядро значения семемы (за исключением ограничительного компонента) представлено в дефинициях информантов не полностью, а с усечением семы «наемный».

Структура семемы *пролетарий* в словаре С.И. Ожегова (1953) расширяется политизированным компонентом «угнетаемый и эксплуатируемый буржуазией», представляющим непосредственно идеологическую надстройку, которая отсутствует в других словарях. Этот факт заслуживает особого внимания. Известно, что словарь Д.Н. Ушакова 1935 – 1940 годов издания (ТСУ) создавался в условиях цензуры и усиленного наполнения идеолого-оценочным содержанием в дефинициях его словарных статей. Но в этом словаре компонентов идеологического типа у слова *пролетарий* еще не было, они появились позже и фиксируются словарем С.И. Ожегова (1953). Данный факт свидетельствует в пользу предположения, что в советское время сознательно данная лексема определялась на роль идейного символа большевиков, стремящихся завоевать абсолютное доверие широких народных масс.

По итогам проведенного опроса можно сделать вывод, что все семы второго и третьего порядка («лишенный средств производства», «угнетаемый и эксплуатируемый буржуазией», «живущий продажей своей рабочей силы») в «наивном» сознании граждан не сохранились и деактуализировались, но часть семемы *пролетарий* до сих пор присутствует с усечением компонента «наемный», то есть архисема «рабочий» все еще жива и была нами зафиксирована с помощью процедуры лингвистического анкетирования. Стоит отметить, что ТСРЯ XX не дает толкования слова *пролетарий*, но в кратком толковом словаре О.П. Ермаковой «Жизнь российского города в лексике 30 – 40-х годов XX ве-

ка» (ТС Ермаковой) оно фиксируется как уходящее с приведением дефиниции, аналогичной ТСУ.

В заключении подведены итоги исследования и намечены научные перспективы дальнейшей разработки темы.

В ходе проведённой работы нами были охарактеризованы особенности процесса лексико-семантической деактуализации советизмов, а также проанализированы отличительные черты деидеологизации и пассивизации, выявлены их истоки, причины, установлены место и роль в ряду других языковых изменений конца XX – начала XXI вв. Кроме того, по результатам проведённого эксперимента нами был уточнён факт частичной или полной деактуализации некоторых советизмов, а именно: *империалист*, *летун*, *несун*, *особист*, *политрук*, *пролетарий*, *сексот*, *ударник* («передовой работник»), *чекист-1* (в значении «работник ЧК»), *шарага* и др. Подробно, с привлечением исторического материала нами описаны механизмы деидеологизации в смысловой структуре семем *вредитель-2* (в значении «враг народа, контрреволюционер»), *лишениц*, *отщепенец-2* («человек, отколовшийся от какого-нибудь общественного коллектива»), *оппортунист-1* («приспособленец, соглашатель»). Опытным путем установлено, что преждевременно говорить о деактуализации слов *диссидент*, *передовик* и *тунеядец*, так как данные лексемы показали самый высокий процент тождества определений, полученных от информантов, со словарными дефинициями в советских словарях.

Основным направлением в изучении процесса устаревания советизмов было избрано семантико-лексикографическое направление, однако нами была затронута также историко-культурная и социокультурная сторона данного явления. Исследование языкового материала опиралось на три хронологических периода: досоветский (насколько это позволили сделать имеющиеся исторические словари), советский и постсоветский, что, по нашему мнению, способствовало достаточно объективному отражению фактов перехода языковых средств из центра на периферию общественного сознания россиян.

Пассивизация советизмов не приобрела лавинообразного характера, «уносящего» в историческое небытие абсолютно все средства языковой картины мира того времени. В огромном массиве уходящей лексики, безусловно, есть обозначения жизненных реалий настолько меткие, носящие вневременной характер, что язык не спешит отказываться от них. Результаты проведенного исследования, с нашей точки зрения, подтверждают этот тезис.

Предметом последующего изучения могут стать лексико-семантические варианты других тематических классов, выделенных нами в рамках данной работы, их дальнейшее углубленное изучение с применением компонентного анализа и различных психолингвистических методов изучения представленности деактуализированной лексики в бытовом сознании носителей языка разных возрастов и социальных групп.

Условия жизни носителей русского языка будут меняться с течением времени, что, в свою очередь, будет трансформировать сознание носителей языка и особенности языковой картины мира народа. Мы уверены, что изучение семантических процессов деактуализации и деидеологизации языковых

средств останется важным и необходимым также и для последующих периодов жизни русского языка, поэтому останется перспективным направлением лингвистической науки и на дальнейших этапах её развития.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

I. Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Мамонова, Ю.О. Экспериментальное подтверждение архаизации слов, номинировавших историко-культурные реалии советского времени / Ю.О. Мамонова // Международный научно-исследовательский журнал «Успехи современной науки». – №6, Том 4, 2016. – С. 32 – 35 (0,27 п.л.).

2. Чавыкина, Ю.О. О знании советской лексики современной молодежью / Ю.О. Чавыкина // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. – № 2, 2015. – С. 255 – 259 (0,41 п.л.).

3. Шипицына, Г.М., Мамонова, Ю.О. Общий взгляд на лексикон русского языка советского периода / Г.М. Шипицына, Ю.О. Мамонова // Научные ведомости Белгородского государственного университета / Гуманитарные науки. – №14 (235), вып.30, 2016. – С. 21 – 29 (0,78 п.л., авт. 0,39).

4. Шипицына, Г.М., Чавыкина, Ю.О. Лексические инновации в социокультурном аспекте / Г.М. Шипицына, Ю.О. Мамонова // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. – № 3, 2015. – С. 245 – 249 (0,44 п.л., авт. 0,22).

II. Статьи в других изданиях:

5. Чавыкина, Ю.О. О важности лексикографического отражения лексических изменений / Ю.О. Чавыкина // XVIII международная конференция, посвященная проблемам общественных и гуманитарных наук: 1 часть (политологические науки, филология, философские науки). Международная научно-практическая конференция, г. Москва, 29.03. 2014 г. – М.: Центр гуманитарных исследований «Социум». – С. 75 – 78 (0,18 п.л.).

6. Чавыкина, Ю.О. О некоторых изменениях в словарном составе русского языка нового времени / Ю.О. Чавыкина // Современные проблемы языкознания, литературоведения, коммуникации и лингводидактики: сборник научных статей, Белгород, 12 – 14 мая 2014 г. – Белгород: ИД «Белгород», 2014. – С. 218 – 222 (0,28 п.л.).

7. Чавыкина, Ю.О. Отражение в обыденном языковом сознании семантики и прагматики деактуализированных лексем / Ю.О. Чавыкина // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: материалы Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 19 – 21 мая 2014 г.). – Белгород: ИД «Белгород», 2014. – С. 163 – 167 (0,31 п.л.).

8. Чавыкина, Ю.О. Современные динамические процессы в группе деактуализированных лексем / Ю.О. Чавыкина // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: сборник материалов Всероссийской конференции, посвященной 115-летию со дня рождения профессо-

ра И.А. Фигуровского. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2014. – С. 195 – 200 (0,31 п.л.).

9. Чавыкина, Ю.О. Социокультурные аспекты деактуализации лексики русского языка на рубеже XX – XXI вв. / Ю.О. Чавыкина // Научные работы Каменец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенко: Филологические науки, Выпуск 34. – Каменец-Подольск: Аксиома, 2013. – С. 308 – 310 (0,3 п.л.).

10. Шипицына, Г.М., Чавыкина, Ю.О. Языковые изменения в группе фразеологизмов с компонентом *народ* / Г.М. Шипицына, Ю.О. Чавыкина // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка: Сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, приуроченной к Юбилею Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Белгородского государственного национального исследовательского университета Николая Федоровича Алефиренко (11 – 12 января 2016 г.) / Сост. д.ф.н., доц. Е.Г. Озерова, к.ф.н. К.К. Стебунова, д.ф.н., доц. И.И. Чу-мак-Жунь. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2016. – С. 78 – 85 (0,34 п.л., авт. 0,17)